

Ананченкова П. И.

«НОВАЯ ГЕРОНТОЛОГИЯ» КАК ФИЛОСОФИЯ ВОЗРАСТА И СМЫСЛА: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

ГБУ города Москвы «Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы», 115088, Москва, Россия

В статье рассматривается концепт «новой геронтологии» как философско-гуманитарная рефлексия над возрастом, старением и смыслом жизни в условиях демографического перехода и увеличения продолжительности жизни. Делается акцент на трансдисциплинарную природу современной геронтологии, интегрирующей биомедицинские, социокультурные и экзистенциальные измерения. Показано, что «новая геронтология» трансформирует представление о старости как о дефиците и убывании, предлагая образ продуктивного, осмысленного и деятельного позднего возраста. Обосновывается необходимость философского осмысления старения как антропологического и аксиологического феномена.

Ключевые слова: геронтология; философия возраста; старение; смысл жизни; активное долголетие; экзистенциальная геронтология; трансдисциплинарность

Для цитирования: Ананченкова П. И. «Новая геронтология» как философия возраста и смысла: трансдисциплинарный подход. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2025;33(спецвыпуск 2):1087—1092. DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-s2-1087-1092>

Для корреспонденции: Ананченкова Полина Игоревна; e-mail: ananchenkova@yandex.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ananchenkova P. I.

«NEW GERONTOLOGY» AS A PHILOSOPHY OF AGE AND MEANING: A TRANSDISCIPLINARY APPROACH

Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management, 115088, Moscow, Russia

The article examines the concept of «new gerontology» as a philosophical and humanitarian reflection on age, aging and the meaning of life in the context of demographic transition and increasing life expectancy. The emphasis is placed on the transdisciplinary nature of modern gerontology, integrating biomedical, sociocultural and existential dimensions. It is shown that the «new gerontology» transforms the idea of old age as a deficit and decrease, offering an image of a productive, meaningful and active late age. The necessity of philosophical understanding of aging as an anthropological and axiological phenomenon is substantiated.

Key words: gerontology; philosophy of age; aging; meaning of life; active longevity; existential gerontology; transdisciplinarity

For citation: Ananchenkova P. I. «New gerontology» as a philosophy of age and meaning: a transdisciplinary approach. *Problemy socialnoi gigieny, zdoravookhraneniya i istorii meditsini*. 2025;33(Special Issue 2):1087–1092 (In Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2025-33-s2-1087-1092>

For correspondence: Polina I. Ananchenkova; e-mail: ananchenkova@yandex.ru

Source of funding. This study was not supported by any external sources of funding.

Conflict of interest. The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Received 31.03.2025
Accepted 15.07.2025

Введение

Современная эпоха ознаменована глубокой демографической трансформацией, связанной с увеличением продолжительности жизни, снижением рождаемости и устойчивым ростом доли пожилого населения. Согласно данным ООН, к середине XXI в. более 2 млрд человек будут старше 60 лет, что кардинально меняет социальную и культурную структуру человеческого сообщества. В этих условиях возраст перестаёт быть исключительно биологическим показателем — он становится важнейшим философским, антропологическим и культурным измерением человеческой жизни.

Традиционная геронтология, ориентированная на изучение физиологических процессов старения и возрастных заболеваний, оказывается недостаточной для ответа на вызовы, порождённые новой реальностью. Возникает необходимость переосмысле-

ния старости не только как медицинской проблемы, но и как целостного феномена, включающего аспекты самоидентичности, смыслообразования, социальной роли и культурной репрезентации. На этом фоне формируется концепция «новой геронтологии» — трансдисциплинарной исследовательской программы, в которой объединяются усилия философии, социологии, психологии, медицины, биоэтики и культурологии.

Понятие старения, рассматриваемое в рамках «новой геронтологии», перестаёт ассоциироваться с упадком, дефицитом и социальной изоляцией. Напротив, старость начинает пониматься как особая стадия жизненного пути, обладающая внутренней целостностью, когнитивным и духовным потенциалом, возможностью для личностного и экзистенциального роста. Пожилой возраст становится объектом позитивной идентификации и переосмысления в терминах «активного долголетия», «успешного

старения», «третьей жизненной фазы» и даже «второго взросления».

Становление «новой геронтологии» тесно связано с философским поворотом в гуманитарном знании. В работах М. Хайдеггера, П. Рикёра, В. Франкла, а также представителей герменевтической и экзистенциальной традиции возраст трактуется не как линейный показатель времени, а как экзистенциальная структура, формирующая уникальное отношение человека к себе, другим и миру. Старение рассматривается как форма жизненного опыта, позволяющая интегрировать прошлое, осмысливать настоящее и принимать конечность бытия не как трагедию, а как условие подлинного существования.

Вместе с тем «новая геронтология» выдвигает и важную культурную миссию: преодоление возрастной дискриминации (эйджизма), формирование позитивных образов старости в общественном сознании, утверждение ценности зрелого возраста как времени смыслов, мудрости и духовного плодоношения. Это требует отказа от редукционистского подхода к старению и перехода к философии возраста как к целостному, человекоцентричному, ценностно нагруженному знанию.

Цель статьи — попытка концептуализировать «новую геронтологию» как философскую и аксиологическую парадигму, способную ответить на ключевые вызовы современного постиндустриального общества. Исследование направлено на выявление методологических оснований, антропологических допущений и экзистенциальных перспектив старения как особого человеческого опыта в горизонте смысла.

Материалы и методы

Методологическая основа настоящего исследования опирается на принципы междисциплинарности, типичные для современной геронтологии, с акцентом на философско-гуманитарный анализ. Работа выполнена в рамках качественной парадигмы гуманитарного знания, где основными источниками служат философские, культурологические, социологические и геронтологические тексты, отражающие различные интерпретации феномена старения. Исследование строится как концептуальный обзор и философская реконструкция ключевых тем и понятий «новой геронтологии» с акцентом на переопределение старости как субъективного, культурного и экзистенциального ресурса.

Основная часть

Классическая геронтология, сформировавшаяся в контексте биомедицинской парадигмы XX в., преимущественно интерпретировала старение как процесс утраты — физиологических функций, когнитивных способностей, социальной активности и экономической продуктивности. Старость понималась сквозь призму патологии, дисфункции и зависимости, что отражалось как в научной литературе, так и в массовом сознании. Однако такая редукция возрастной жизни к медицинским показателям

вступает в противоречие с эмпирическим и экзистенциальным многообразием пожилого возраста, а также с потребностью общества в более человечном и целостном понимании старения.

«Новая геронтология» как направление, обозначающее поворот от исключительно биомедицинского к интегральному пониманию старости, строится на иных методологических основаниях. Её ключевая установка — признание пожилого возраста как полноценного и значимого этапа жизненного пути, насыщенного смыслами, возможностями и личностными ресурсами. Такой подход требует выхода за рамки дисциплинарной специализации и обращения к трансдисциплинарному знанию.

Методологический каркас «новой геронтологии» базируется на трансдисциплинарном подходе, сочетающем достижения естественных наук (медицины, биологии, геронтобиохимии), социальных дисциплин (социологии старения, социальной работы, демографии), гуманитарных наук (философии, этики, культурологии, психологии) и практических направлений (геронтопедагогика, арт-терапия, геронтодизайн и др.).

Такое объединение позволяет рассматривать старение не как линейный физиологический процесс, а как многослойный культурно-исторический, антропологический и экзистенциальный феномен. Трансдисциплинарность даёт возможность включить в анализ старости вопросы идентичности, жизненной мудрости, телесности, коммуникации, социальных связей и межпоколенческих отношений.

Существенное методологическое расширение обеспечивается благодаря интеграции герменевтической и феноменологической традиции, восходящей к М. Хайдеггеру, Э. Гуссерлю, П. Рикёру, Х.-Г. Гадамеру. В этой логике возраст перестаёт быть исключительно «внешним» биологическим атрибутом и раскрывается как переживаемое и интерпретируемое человеком измерение его бытия. Важным становится не только то, сколько человеку лет, но и как он «состаривается», какие смыслы придаёт этому процессу, как выстраивает отношение к своей телесности, памяти, утратам и надеждам.

Согласно П. Рикёру, старение — это не просто факт времени, а нарративная структура личности, «рассказанная жизнь», в которой события приобретают смысл в ретроспективе и проекции. Старость в этой перспективе — это время, когда человек может интегрировать прожитое в цельную биографическую линию, обрести «экзистенциальную целостность» (Е. Erikson), осуществить акт смыслополагания на границе конечности.

Третьим важным методологическим компонентом выступает аксиология возраста — ценностная философия старения, которая стремится вернуть пожилому возрасту утраченный культурный и этический статус. В ней старость рассматривается не как упадок, а как носитель уникальных форм знания, памяти, мудрости, заботы и духовной зрелости. Как подчёркивает Н. С. Джеркер, «старение — это не только медицинский, но моральный и культурный

факт, требующий уважения и этической защиты» [1].

В данной аксиологической перспективе пожилой человек признаётся не объектом опеки, а субъектом этического статуса и культурной значимости. Это соответствует идеям активного долголетия, гражданской инклюзии и справедливости поколений, которые становятся важными для политики старения в XXI в.

Философская геронтология тесно сопряжена с антропологической концептуализацией возраста. Возраст — это не только календарный или физиологический параметр, но также структура существования. В русле антропологии бытия, предложенной М. Хайдеггером, старость может осмысляться как время предельной «открытости к конечности», как фаза, в которой человек остро переживает темпоральность, хрупкость и уникальность собственного «бытия-к-смерти». Вместе с тем эта предельность несёт в себе потенциал подлинности, мудрости и внутренней свободы.

Таким образом, «новая геронтология» формирует методологически плюралистичное и философски насыщенное знание, способное преодолеть редукционизм и дестигматизировать старость, признавая за ней право на смысл, достоинство и социальное присутствие. Она обращается к возрасту как к феномену культуры, этики и самости, требующему не столько лечения, сколько понимания, уважения и гуманитарного сопровождения.

Одним из наиболее значимых направлений в рамках «новой геронтологии» является экзистенциальная геронтология — концептуальная перспектива, в которой старение трактуется не как биологический или социокультурный факт, а как особая форма бытия, насыщенная вопросами смысла, идентичности, завершённости и трансценденции. В отличие от классической возрастной психологии, сосредоточенной на изменениях когнитивных функций и поведенческих стратегиях пожилых, экзистенциальный подход фокусируется на онтологическом и смысловом статусе поздней жизни:

1. Старость как время «антропологического итога». Пожилой возраст — это стадия, в которой человек в наибольшей степени оглядывается на прожитое, подводит итоги, стремится к интеграции биографического опыта и осмыслению своей жизни как целостного нарратива. Как подчёркивал Эрик Эрикссон, зрелость завершается стадией «целостность Я против отчаяния» (*ego integrity vs. despair*), в которой личность сталкивается с вопросами ценности и значимости своего жизненного пути. Именно в этом возрастном периоде наиболее остро переживаются такие философские категории, как память, вина, принятие, прощение, благодарность, прощание и надежда.

Этот период сопровождается не только воспоминаниями, но и реконструкцией идентичности. Старение разрушает прежние социальные роли (профессиональные, родительские), ставит под вопрос привычные формы самоопределения, однако одно-

временно открывает пространство для внутренней свободы и нового самоосознания. Пожилой человек заново выстраивает образ себя, исходя не из внешней полезности, а из внутренних оснований — духовных, культурных, нравственных.

2. Темпоральность старения: от линейного времени к спиральному. Экзистенциальная геронтология предлагает переосмысление самого опыта времени в пожилом возрасте. Если в молодости и зрелости время воспринимается как линейное движение к будущему, наполненное проектами и ожиданиями, то в старости временное восприятие приобретает ретроспективный и циклический характер. Возникает так называемая «спиральная темпоральность», в которой события прошлого возвращаются не как утраты, а как ценности, воссоздающие личный смысл и идентичность.

Как отмечает философ П. Рикёр, память — это не архив, а нарративное действие, позволяющее человеку связывать разрозненные события в целостную историю, «повествовать себя» и таким образом придавать смысл существованию. В этой связи старение становится не только переходом к финальности, но и возможностью реинтерпретации прошлого и переоценки настоящего, что даёт пожилому возрасту эпистемологическую и этическую глубину.

3. Старость как пространство духовного становления. Поздний возраст способен стать временем духовного роста и экзистенциальной зрелости, когда человек обретает способность к созерцанию, прощению, внутреннему согласию и целостности. В. Франкл подчёркивал, что человеческое «Я» раскрывается наиболее глубоко в момент встречи с конечностью, когда исчезают иллюзии бессмертия, и перед человеком открываются фундаментальные вопросы бытия: «Самость человека может полностью раскрыться только в преодолении страха перед старостью и смертью. Там, где исчезает иллюзия бесконечного будущего, возникает смысл как последний ресурс свободы» [7].

В условиях культурной стигматизации старости как периода «дефектов» и «бесполезности» экзистенциальная геронтология реабилитирует пожилой возраст как антропологически и онтологически значимое время, в котором возможно не только «принятие конца», но и этическое преобразование личности, переход от внешних ролей к внутреннему существованию.

4. Старение как свобода от социальных предписаний. Старость открывает уникальную форму экзистенциальной свободы — свободы быть собой вне давления социальных ролей, продуктивистских нормативов, внешних ожиданий. Это свобода, в которой человек может сосредоточиться на том, что по-настоящему важно: отношениях, прощении, заботе, творчестве, духовной практике. В этой перспективе старение может быть интерпретировано как второе взросление, в котором не угасают возможности, а трансформируются жизненные смыслы.

Таким образом, экзистенциальное измерение старения позволяет переосмыслить возраст не как «конец», а как вершину антропологического опыта, в которой сосредоточены глубинные аспекты человеческого бытия: свобода, ответственность, память, любовь и смысл. «Новая геронтология», интегрируя этот подход, предлагает не просто заботу о пожилых, но внимание к их внутреннему миру как источнику гуманизации общества в целом.

В рамках «новой геронтологии» происходит радикальное переосмысление социального и культурного статуса пожилого возраста. Если классические геронтологические модели трактовали старость преимущественно как период потерь — биологических, социальных, профессиональных, — то современные подходы предлагают взглянуть на неё как на ценностный и ресурсный этап жизненного цикла. Такой сдвиг акцента имеет не только теоретическое, но и практическое значение для политики, культуры, образования и социума в целом.

Современная гуманитарная геронтология утверждает, что старость — это не столько биологический факт, сколько социально и культурно сконструированное явление. Как подчёркивал М. Фуко, «возраст, как и болезнь, сексуальность или безумие, организуется через дискурсивные практики, определяющие, что считается нормальным, продуктивным, допустимым» [2]. Б. Гидденс дополняет эту позицию, утверждая, что идентичность пожилого человека формируется в процессе рефлексивной модерности, где социальные нормы подвержены постоянному пересмотру и переговорам [3].

Таким образом, старость — это не просто возрастной рубеж, а результат культурных установок, медиарепрезентаций, институциональных ожиданий и личностных интерпретаций. Меняя социокультурные рамки восприятия возраста, общество может изменить и статус пожилых людей, превратив их из объектов патерналистской заботы в активных субъектов.

Культурные репрезентации старости играют решающую роль в формировании общественного сознания. В литературе, кино, визуальном искусстве и медианарративах закрепляются определённые образы пожилого возраста — от «мудреца» и «хранителя традиции» до «беспомощного старика» или «социального бремени». Эти архетипы влияют на самовосприятие пожилых людей и социальные практики по отношению к ним.

Современное искусство всё чаще стремится к демифологизации старости, предлагая более многомерные, реалистичные и уважительные образы пожилых людей. Проекты, фокусирующиеся на старении (например, фотовыставки, театральные постановки, документальные фильмы), способствуют восстановлению субъектности пожилых и разрушению возрастных стереотипов.

Важно отметить, что вовлечение пожилых людей в культурную жизнь — как авторов, зрителей, кураторов, наставников — является не только формой

активного долголетия, но и способом гуманизации общественной среды.

Эмпирические исследования последних лет демонстрируют, что активные пожилые граждане играют важную роль в развитии локальных сообществ, волонтерских движений, просветительских инициатив и даже политической активности. Например, программы наставничества, в которых пожилые передают молодым профессиональные и жизненные знания, становятся эффективным инструментом институционализации межпоколенческого диалога.

Институты «третьего возраста» (университеты пожилых, клубы серебряных волонтеров, центры культурной активности) создают инфраструктуру признания и участия, преодолевающую изоляцию и фрагментацию, сопровождающие традиционную модель старости.

Как подчёркивает Н. Хабл, «старение должно быть не только объектом помощи, но и субъектом политического и культурного самовыражения» [4]. Это означает признание авторства и права голоса пожилого человека в публичном пространстве, в том числе в вопросах социальной политики, урбанистики, образования и биоэтики.

Современная геронтологическая политика всё чаще ориентируется на инклюзивную модель, в которой пожилой возраст воспринимается не как объект защиты, а как равноправный участник общественной жизни. Это требует:

- отказа от языков стигматизации («обуза», «непомощные», «беспомощные»);
- поддержки инициатив пожилых на уровне местных сообществ;
- признания культурного и профессионального вклада старших поколений;
- развития архитектурной, социальной и цифровой доступности городской среды.

Такая политика исходит из принципов социального достоинства, прав человека и солидарности поколений, формируя предпосылки для устойчивого общества, где возраст рассматривается как ценность, а не проблема.

Таким образом, социально-культурное измерение «новой геронтологии» формирует альтернативную рамку восприятия старости — как ресурса идентичности, опыта, участия и творчества. В этом контексте возраст — не граница, а ресурс расширения человеческих возможностей, особенно в условиях демографических изменений и роста продолжительности жизни. Сама по себе культура становится пространством преодоления возрастной сегрегации, а философия старения — основой новой антропологии зрелости.

В философском и антропологическом измерении старение предстает не только как биологический или социальный процесс, но как глубоко экзистенциальное событие, в котором сосредотачивается опыт времени, памяти, бытия и смысла. Поздний возраст — это уникальное хронотопическое пространство, где человек переходит от ориентиров

внешнего (продуктивного, нормативного) времени к времени внутреннему — времени смысловой рефлексии, итогов и самоприсутствия.

Если молодость часто ассоциируется с будущим, с проектированием и ожиданием, зрелость — с ответственностью и исполнением, то старость открывает горизонт ретроспективной осмысленности, в котором биография предстает как текст, подлежащий прочтению и интерпретации. Здесь особенно актуален концепт «повествовательной идентичности», разработанный П. Рикёром, согласно которому человек конституирует себя как субъект через «рассказывание жизни» [5].

Старение в этом смысле становится временем смысловой интеграции, когда разрозненные эпизоды жизни связываются в цельную историю, придавая существованию завершённость, целостность и внутреннее оправдание. Это — не уход, а возвращение: возвращение к подлинному, сущностному, по выражению Михаила Бахтина, который считал старость временем «второй ответственности» перед собственной жизнью.

Традиционное понимание времени — как линейного, измеряемого, прогрессирующего — вступает в противоречие с феноменом старения. В позднем возрасте всё более значимым становится внутреннее, качественное время, связанное с воспоминаниями, предчувствиями, символами, ритмами души. Как писал Мартин Бубер, «в зрелости человек перестаёт быть во времени — он становится временем» [6].

Эта смена темпоральной парадигмы делает старение уникальной формой онтологического времени, в котором теряется жёсткое разделение на «прошлое», «настоящее» и «будущее» и появляется время соприсутствия — когда вся жизнь собирается в опыт «здесь и сейчас» как смысловой и духовный акт.

Один из ключевых векторов «новой геронтологии» — это внимание к духовному потенциалу пожилого возраста. В отличие от редукционистских моделей, рассматривающих старение как регресс или дефицит, философская геронтология подчёркивает, что именно в старости человек может достичь антропологической полноты — зрелости, которая выражается не в производительности, а в мудрости, принятии, способности к созерцанию и дарению смысла другим.

Как писал В. Франкл, «даже страдание и ограниченность, неизбежно связанные со старением, могут быть преобразованы в источник смысла — через то, как человек их принимает, как он их осмысляет» [7].

Этот сдвиг — от продуктивности к мудрости — предполагает и смену ценностной матрицы общества, в которой место пожилого человека определяется не по его утилитарной функции, а по его смысловой, культурной, духовной миссии.

Старение, будучи предельным опытом, открывает метафизические горизонты человеческого существования. Оно инициирует вопросы о конечности, преемственности, трансценденции. Геронтология в

этом смысле становится не просто дисциплиной о возрасте, но философией времени и пределов, в которой личностное бытие сталкивается с универсальными категориями: смертью, свободой, судьбой, памятью.

Э. Кассирер утверждал, что человек есть «животное символическое», а старость — момент, когда символическая способность достигает своей полноты, освобождаясь от суеты и повседневности ради созерцания вечного [8].

Старость становится временем смысла — не потому, что она приносит готовые ответы, а потому, что именно в ней раскрываются вопросы, на которые вся жизнь была подготовкой.

Заключение

В эпоху демографических сдвигов и продления жизни человечество сталкивается с необходимостью фундаментального переосмысления феномена старения. «Новая геронтология» выступает как трансдисциплинарная и философски ориентированная парадигма, способная ответить на вызовы современности, преодолеть редукционистские и стигматизирующие модели старости, утвердить её как ценностно и антропологически насыщенное состояние человеческой жизни.

Переход от представления о старости как об упадке к её осмыслению как этапа личностной зрелости и экзистенциальной свободы открывает возможности для формирования новой философии возраста. В этой философии пожилой человек предстает не объектом биомедицинского наблюдения, а субъектом смысла, памяти, мудрости и гражданской ответственности. Старение — это не конец, а преобразование: переход от продуктивности к созерцанию, от действия к рефлексии, от телесной экспансии к духовной полноте.

Исследование показало, что современные геронтологические концепции, включающие феноменологию, герменевтику, экзистенциализм и аксиологию, позволяют раскрыть старость как онтологическое событие, в котором осуществляется смысловая интеграция жизни. Этот подход требует от общества изменения политических, культурных и образовательных стратегий: перехода от опеки к признанию, от сегрегации к участию, от дефицита к достоинству.

Тем самым «новая геронтология» становится не просто научной дисциплиной, но философией времени, зрелости и смысла, предлагающей гуманистическую альтернативу циничному или утилитарному отношению к возрасту. Она способствует формированию образа старости как этапа человеческой целостности, созерцательной глубины и ценностной зрелости — и тем самым утверждает старость не как конец жизни, а как её метафизическую кульминацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Jecker N. S. Aging and ethics. philosophical problems in gerontology. N.Y.; 1992.

2. Foucault M. The birth of the clinic: an archaeology of medical perception. N.Y.; 1994.
3. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. California; 1991.
4. Hubble N. Ageing, narrative and identity: new qualitative social research. Hampshire; 2013.
5. Ricœur P. Time and narrative. Chicago; 1984.
6. Buber M. I and Thou. N.Y.; 1958.
7. Frankl V. Man's Search for Meaning. Boston; 2006.
8. Cassirer E. An essay on man: an introduction to a philosophy of human culture. New Haven; 1944.

Поступила 31.03.2025
Принята в печать 15.07.2025

REFERENCES

1. Jecker N. S. Aging and ethics. philosophical problems in gerontology. N.Y.; 1992.
2. Foucault M. The birth of the clinic: an archaeology of medical perception. N.Y.; 1994.
3. Giddens A. Modernity and self-identity: self and society in the late modern age. California; 1991.
4. Hubble N. Ageing, narrative and identity: new qualitative social research. Hampshire; 2013.
5. Ricœur P. Time and narrative. Chicago; 1984.
6. Buber M. I and Thou. N.Y.; 1958.
7. Frankl V. Man's Search for Meaning. Boston; 2006.
8. Cassirer E. An essay on man: an introduction to a philosophy of human culture. New Haven; 1944.